

НАРРАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОПЫТА И НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

**РИКЁР П. ВРЕМЯ И РАССКАЗ. Т. 1. ИНТРИГА И ИСТОРИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ / ПЕР. С ФРАНЦ. Т.В. СЛАВКО, ПОД РЕД. С.Я. ЛЕВИТ. М.;
СПБ.: УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА, 1998.**

Социологи знания в поисках объяснений своего предмета руководствуются преимущественно двумя подходами. В первом за отправную точку берется социальный контекст. Полагается, что (вос)производство, хранение и распределение знания обусловлено социальным порядком, а содержание знания определяется спецификой группы, которая им распоряжается (К. Мангейм, М. Шелер). Близки к этому подходу те современные социологи науки, которые утверждают, что научное знание — продукт социальных обстоятельств, имеющих место в исследовательской лаборатории, продукт *контекста открытия* (К. Кнорр-Цетина, Б. Латур, С. Вулгар).

Этот подход позволяет анализировать механизмы создания, распределения, признания как обыденного, так и научного знания, однако оказывается малополезным для выявления конститутивных элементов знания. Тут на помощь социологии приходят иные дисциплины: когнитивные науки, лингвистика, социальная (культурная) антропология. Идея же анализа нарративных оснований опыта и научного знания непосредственно связана с именем Поля Рикёра, наиболее подробно изложившего подход к изучению повествовательности социальных наук.

Поль Рикёр — классик философской мысли XX в. Его ставят в один ряд с такими выдающимися мыслителями, как М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, Г.-Г. Гадамер, Л. Витгенштейн. Любопытно, что тексты П. Рикёра до сих пор остаются малоизвестными в широких кругах социологов. Причина, на наш взгляд, заключается не в том, что в работах отсутствуют социологически значимые сюжеты, а скорее, в исследовательской позиции философа. Он ведет методологические дискуссии о социальном познании как представитель герменевтики, что вызывает традиционную критику со стороны социологов-позитивистов. Обращаясь к основополагающему для эпистемологии социальных наук вопросу о соотношении метода научного объяснения и процедуры понимания, Рикёр предлагает использовать семиотическую логику (рассматривать действие как текст) и сомнительные с точки зрения позитивистской методологии интерпретативные приемы [12]. Возможно, поэтому в его теории текста иногда видят «радикальную теорию интерпретации», сводящую научное объяснение к семантическому и отвергающую нормативные критерии сравнения и оценки различных объяснений» [2, с. 53].

В то же время не стоит утверждать, что герменевтика Рикёра широко принята социологами, ищущими отличные от позитивистских методы исследования социальной реальности. В частности, Э. Гидденс указывает на возможную продуктивность теории текста Рикёра для социологии [9, р. 772], но этим предположением Гидденс ограничивается: разработанная им модель двойной герменевтики имеет мало общего с герменевтикой Рикёра. Труды Рикёра фигурируют в библиографии работ по качественной социологии¹ [3; 7; 8; 11], однако в них сложно обнаружить последовательное обоснование его философии как теоретической базы качественных исследований. Причины слабой связи рикёровской герменевтики с непозитивистской социологией менее ясны, чем причины ее неприятия позитивистами. Возможно, это объясняется трудностью перевода философских понятий Рикёра на язык социологии (хотя данный вопрос требует отдельного рассмотрения).

Наша задача — не в том, чтобы доказать значимость теоретических построений Рикёра для методологии социологии. Опираясь на один из его наиболее монументальных трудов — книгу «Время и рассказ» — мы постараемся показать, что разработанный Рикёром концепт нарратива применим в социологических исследованиях природы человеческого опыта и научного знания.

В оригинале книга «Время и рассказ» состоит из трех томов. На русском языке вышли первые два тома: «Интрига и исторический рассказ» и «Конфигурации в вымышленном рассказе». В первом томе Рикёр рассматривает нарратив как фундаментальную характеристику человеческого опыта, а также влияние нарративного дискурса на формирование научного знания. Второй том посвящен особому жанру повествования — вымышленному рассказу, специфике его конфигурации и подходам к его исследованию. В третьем томе, на данный момент не переведенном, Рикёр поднимает общие философские проблемы времени: соотношения космологического и человеческого временных измерений, линейного времени свершившихся событий и событий, описанных в повествовании².

¹ В работах Рикёра проблемы качественной социологии не затрагиваются. Возможно, причиной популярности его исследований среди сторонников качественных методов стало частое обращение Рикёра к проблеме понимания. Рассматривая проблему соотношения метода научного объяснения и понимания (проникновения одного сознания в другое через внешнее выражение — знаки) в исследовании действий, Рикёр утверждает, что процедура понимания является обязательной, но она все не исключает объяснение: понимание «предваряет объяснение и сопутствует ему путем сближения с субъективным смыслом другого человека» [4, с. 3].

² Чтобы подробнее раскрыть заявленную тему, мы используем текст не только первого тома книги «Время и рассказ», но и второго тома: *Рикёр II. Время и рассказ. Т. 2. Конфигурации в вымышленном рассказе* / Пер. с франц. Т.В. Славко, под ред. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. Все цитаты взяты из первого тома, поэтому при ссылке на них в тексте статьи указаны только номера страниц.

Нарративная организация человеческого опыта

Обратимся к определению понятия «нарратив». В рассматриваемом русскоязычном издании это понятие употребляется редко. Т.В. Славко переводит исходное рикёровское «*récit*» как «рассказ», обосновывая это тем, что «*récit*» — специфически французский термин, означающий текст-рассказ или текст-описание (в отличие от текста-диалога или научного текста)» (с. 264).

Мы не ставим под сомнение данный аргумент, однако там, где Рикёр употребляет «*récit*», мы будем использовать понятие «нарратив» по аналогии с авторизованным англоязычным переводом книги [13]. Термин «нарратив» конвенционален в англоязычной традиции: он закрепился в языке истории, лингвистики, литературоведения, психологии; сформировалась устойчивая междисциплинарная область знания, посвященная повествованию — нарратология. Кроме того, на наш взгляд, это понятие обладает большим семантическим потенциалом, чем «рассказ». Нарративом можно назвать не только текст-описание, жанры исторического и вымышленного повествования, но и любой *сюжетообразный* текст.

Нарратив дискурсивен. Под дискурсом Рикёр подразумевает языковое событие (*language-event*), использование языка (*linguistic usage*) [12, p. 92]. Следуя введенному Ф. де Соссюром различению языка и речи, Рикёр трактует нарратив (и дискурс) в русле лингвистики речи, а не лингвистики языка, изучающей язык как систему знаков. В противном случае нарратив лишается присущего ему временного измерения и связи с человеческим опытом [10].

Рикёр определяет нарратив, используя ключевые понятия «Поэтики» Аристотеля — «*mythos*» и «*mimesis*». С одной стороны, нарратив представляет собой «упорядочивание неких фактов или событий в систему, соединение их в единую смысловую конфигурацию, сюжет». С другой стороны, нарратив является «репрезентацией или подражанием реальным событиям»³ (с. 45). И подражание событиям, и соединение их в единую конфигурацию происходит в дискурсе.

Итак, опыт имеет нарративную организацию. Нарратив конституирует фундаментальную характеристику опыта — его временное измерение, а живой опыт, в свою очередь, становится условием временного измерения повествования. Рикёр замыкает круг: «Время становится человеческим временем

³ Существенная проблема, возникающая при прочтении книги — отсутствие четких определений понятий, в частности, понятия «событие». Там, где речь идет о нарративной организации опыта, то есть в первом томе, событие выступает как нечто, произошедшее в нашем опыте. Во втором томе, посвященном влиянию нарративного дискурса на формирование научного знания, Рикёр рассуждает о статусе исторического события, не проводя, к сожалению, четких различий между событиями первого и второго типа и, соответственно, не указывая на их сходство.

в той мере, в какой оно нарративно артикулировано, а нарратив обретает свое полное значение, когда он очерчивает особенности временного опыта» (с. 65).

Исследуя отношение между нарративом и временным характером опыта, Рикёр обращается к двум классическим, на первый взгляд, не связанным друг с другом источникам: «Поэтике» Аристотеля и «Исповеди» Августина Блаженного. Рикёр задается вопросами Августина: «Что есть время? Как его можно измерить?». Августин не признает существование космологического времени и находит основания временной протяженности и меры непосредственно в душе человека, и Рикёр вторит ему: «В тебе, душа моя, измеряю я времена» (с. 24). Вслед за Августином он различает временные измерения человеческой души: «Есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание» (с. 25). И трудные для Августина вопросы бытия и измерения времени остаются таковыми и для Рикёра: «Как возможно рассуждать о существовании человеческого времени, если прошлого уже нет, будущее еще не наступило, а настоящее неуловимо? И как, в таком случае, возможно его измерение?» (с. 26).

Интерпретируя рассуждения Августина, Рикёр полагает, что именно язык и нарративная деятельность подтверждают существование времени опыта и, соответственно, возможность его измерения: «Мы рассказываем о вещах, которые считаем истинными, и предсказываем события, которые происходят так, как мы их предвосхитили... Мы готовы считать их существующими, когда мы о них повествуем» (с. 20). Повествуя о фактах или событиях, мы помещаем их в некую последовательность так, что одно следует за другим, предшествует третьему и т. д. Согласно Рикёру, невозможно рассматривать элементы опыта как прошлые, настоящие или будущие, не называя их таковыми, мысленно или вербально не проговаривая их последовательность, не создавая о них нарратив. Само представление о прошлом, настоящем и будущем опыте формируется в процессе повествования. Именно повествование делает возможным существование прошлых или будущих переживаний и, соответственно, возможность измерения их продолжительности. Таким образом, в особенностях нарративной деятельности содержится секрет временного измерения человеческого опыта.

Нарратив, находясь в неразрывной связи с живым опытом, становится не застывшим (каким его представляют некоторые семиотики), а подвижным, временным образованием. Рикёр, вслед за Аристотелем, рассуждающим об особенностях литературного произведения, полагает, что нарратив — это не конечный результат создания некоего сюжета. Человеческий опыт, трансформируясь в повествование, в обязательном порядке проходит три стадии: префигуративную (мимесис-I), конфигуративную (мимесис-II) и

рефигуративную (мимесис-III). На префигуративной стадии факты, события, действия разрозненны, логически не связаны друг с другом, но уже маркированы повествованием. Некий автор (которому Рикёр в данной книге не уделяет особого внимания) заранее предполагает, каким образом они будут связаны в нарративе. Затем элементы опыта проходят стадию конфигурации, осюжечивания. И, наконец, последняя стадия рефигурации наступает при воспроизведении нарратива слушателем или читателем. Для прояснения специфики нарративной организации опыта рассмотрим подробнее, что подразумевается под стадией конфигурации.

Конфигурация — основное понятие, используемое Рикёром при описании устройства нарратива. «Конфигурация, — отмечает Рикёр, — представляет собой логическое единство... Она может быть представлена как одна "мысль"» (с. 50). Конфигурация — это сюжет, собирающий факты и события вместе и подчиняющий их замыслу повествования. Понятие конфигурации, используемое Рикёром, соответствует аристотелевскому понятию «*mythos*», обозначающему «упорядочивание фактов в систему». Каково же отношение между конфигурацией и живым опытом?

Факты и события опыта сами по себе не имеют никакой логики. Логику им придает нарратив. Нарративная конфигурация собирает отдельные элементы опыта и придает им осмысленность. Теперь факты и события связаны логически и следуют друг за другом, согласно замыслу нарратива. Как полагает Рикёр, «идеи начала, середины и конца берутся не из опыта: это не черты реального действия, но следствия самого построения поэмы» (с. 51). Мы не можем быть уверены, что события *на самом деле* были именно такими и в такой последовательности. Становясь элементами нарративной конфигурации, они приобретают иной статус в соответствии с правилами и логикой сюжета. В частности, при чтении литературного нарратива «никого не интересуется, что делал герой между двумя событиями, которые в жизни были разделены: в "Царе Эдипе" вестник возвращается именно в тот момент, когда интрига требует его присутствия: ни раньше, ни позже» (с. 51). Поэтому нарратив представляет собой, скорее, *подражание* опыту, а не его *описание*. Он репрезентирует живой опыт, отсылает к нему, но привносит в него столь существенные изменения, что мы можем рассуждать о нарративном *сочинении*, а не о *реальном* отображении опыта.

Характерной особенностью конфигурации является *ощущение завершенности*. В нарративе, в отличие от событий в «реальной» жизни, некое событие в любом случае представляется последним (с. 53). Именно наличие *последнего события* позволяет воспринимать все события в конфигурации как единое целое; оно является логическим завершением всей последовательности. Когда читатель или слушатель доходит до завершающего события, у него появляется возможность *охватить одним взглядом* замысел повествования.

Тогда как констатация конечного события в *реальной* жизни представляется весьма затруднительной.

Оказавшись предметом повествования, события приобретают определенную связь. Рикёр различает два типа связи: эпизодическую и универсальную. Эпизодическая связь — это случайная, нелогичная последовательность свершающихся друг за другом событий. Универсальная связь событий, напротив, имеет логический характер. Рикёр называет ее связью «одно вследствие другого». В нарративной конфигурации связь между событиями универсальна. Здесь он делает важное заявление: «Одно вследствие другого — это связь каузальная... Теперь несомненно, что своего рода универсальность, присущая конфигурации, обусловлена ее внутренним построением, определяющим ее завершенность и целостность. Внутренняя связь сама по себе — это начало универсализации. Сочинять сюжет — значит уже выводить универсальное из единичного, необходимое или вероятное из эпизодического» (с. 53).

Но Рикёр не сводит нарративную связь к научной генерализации. Нарративная связь, в отличие от научного объяснения, не подлежит эмпирической проверке. Для него важно подчеркнуть сходство основного принципа формирования связи в нарративе и научном объяснении — «выхватывание» элементов опыта и подведение их под определенную логику.

Рассмотренные черты конфигурации присущи всем видам повествования: нарративу, используемому историком в качестве иллюстрации, вымышленному литературному произведению, нарративу, используемому в повседневной коммуникации. Существенное различие между историческим нарративом и вымышленным повествованием заключается в том, что исторический нарратив может претендовать на наличие эмпирического референта своих построений (факты, описанные в повествовании, могли иметь место в действительности), а вымышленное повествование на это претендовать не может. Однако правила построения сюжета схожи во всех случаях. Специфике нарративной конфигурации Рикёр целиком посвящает отдельную часть книги под названием «Конфигурации в вымышленном рассказе».

Так, Рикёр предлагает принципиально новый подход к изучению природы опыта и его организации — анализ его нарративной структуры. Несмотря на то, что он, увлекаясь интерпретацией классических философских источников, не предоставляет читателю строгого концептуального аппарата, все же просматривается круг ключевых понятий, которые можно операционализировать и использовать в социологических исследованиях специфики нарративного представления опыта и обыденного знания. К этим понятиям, в частности, относятся «смысловая конфигурация» и «стадии формирования повествования» («префигуративная, конфигуративная, рефигуративная»), «эпизодическая связь» и «универсальная связь». На наш взгляд, в применении *повествовательной* логики к изучению организации опыта заключены многообещающие перспективы.

Нарративизация научного знания

Сходство позиций П. Рикёра и А. Шюца относительно организации жизненного опыта заключается в утверждении о том, что реальность изначально не представлена познающему субъекту в виде непрерывного потока. Он имеет дело лишь с определенными аспектами действительности. Но если, согласно Шюцу, опыт дан субъекту как типизированный, интерпретированный с помощью конструкторов обыденного мышления, то Рикёр указывает на иную форму представления опыта — на его нарративную организацию.

Допустим, что перед нами не простой познающий субъект, а ученый. Как формируется его знание о мире? По мнению Шюца, научное знание также является типизацией и мыслительными конструктами. Представители естественных наук «сами определяют, какой сектор универсума природы, факты и события тематически и интерпретативно релевантны поставленной цели» [6, с. 9]. Перед социальными учеными поставлена иная проблема: они вынуждены соотносить собственные конструкты с живым индивидуальным и социальным опытом, иначе есть опасность абстрагирования науки от изучаемой ею реальности и потери адекватности объяснений. С точки зрения Шюца, создание теории, согласующейся с опытом — одна из основных задач социальной науки. В поисках возможного решения он вводит различие обыденных и совместимых с ними научных конструктов — *конструкторов первого и второго порядка*. Рикёр же указывает на совершенно иной тип связи научной теории с опытом.

По мнению Рикёра, знание социальных наук согласуется с человеческим опытом посредством нарратива. Данное отношение можно представить следующим образом: наш опыт нарративно организован, а научное теоретизирование содержит в себе элементы повествования. Соответственно, научное знание, сохраняя нарративные черты, не утрачивает связь с опытом. Это утверждение относится, прежде всего, к исторической науке, специфику которой Рикёр исследует. В то же время он проводит параллель между историческим и социологическим знанием и указывает на случаи, в которых данное утверждение действительно и для социологии.

Часть книги под названием «История и рассказ» Рикёр начинает с рассмотрения ограничений собственного тезиса о повествовательном характере истории. Во-первых, подход к исследованию исторической реальности должен быть номиналистским. Нарратив встроен в теоретизирование в том случае, если исследуются индивидуальные события или действия (поскольку он представляет собой упорядочивание отдельных событий), а не социальные структуры или социальные факты. В связи с этим Рикёр подвергает серьезной критике французскую историографию во главе со школой Анналов за

недооценку роли события в историческом познании⁴. Как отмечает Рикёр, представители школы Анналов (в частности, Ф. Бродель), делая выбор в пользу изучения «большой длительности» истории, «ведут борьбу против событийной истории, и, следовательно, против нарративного способа написания истории» (с. 128). Если история утрачивает связь с нарративом, она, по убеждению Рикёра, перестает быть «исторической» и теряет связь с прошлым человеческим опытом, который она исследует. В определенной степени эта критика применима и по отношению к социологии.

Во-вторых, нарративность истории можно сохранить, если к ней не применять номологическую модель научного объяснения. В качестве «противников нарратива в истории», наряду с французскими историографами, Рикёр называет представителей логического позитивизма во главе с К. Гемпелем, утверждающих, что объяснение в исторических и социальных науках должно быть аналогичным объяснению в естественных науках, то есть должно использовать «охватывающие законы». Объяснение посредством «охватывающих законов» отличается от создания нарратива. В нарративе исторические события, соединенные универсальной связью («одно вследствие другого»), сохраняют свою уникальность. В генерализациях исторические события рассматриваются, по аналогии с физическими событиями неживой природы, как регулярно повторяющиеся и не имеющие шанса «свершиться иначе». Кроме того, нарративная конфигурация, хотя и является в определенном смысле типичной, построенной в соответствии с определенными правилами, может «рефигурироваться», получать новые интерпретации во время прочтения или слушания. Тогда как в генерализующих объяснениях нет места «исторической возможности», свершающиеся события заранее предсказаны.

Эти рассуждения требуют пояснения. Прежде всего, остается открытым вопрос об уникальности события в нарративе. Ранее Рикёр отмечал, что конфигурация организует события исходя из некоего замысла. Как при этом события могут сохранять свою уникальность? Нарративная конфигурация, на первый взгляд, делает с событием то же самое, что делают «охватывающие» законы — она «выхватывает» его из сферы опыта и подчиняет собственной логике. Мы не обнаруживаем прояснения этого момента у Рикёра.

⁴ Если в первой части книги Рикёр не дает четкого определения «событию», подразумевая под этим нечто, произошедшее в опыте, то во второй части, посвященной специфике исторического знания, Рикёр определяет историческое событие как то, что «совершают или претерпевают действующие существа» (с. 115). Историческое событие свершилось в прошлом, оно единично. В отличие от событий природы, историческое событие (поскольку оно является результатом индивидуальной воли), всегда могло бы произойти «по-другому» (с. 114–115).

Можно только предположить, что под уникальностью исторического события в нарративе он подразумевает, во-первых, уникальное место, которое оно занимает в нарративной цепочке «одно вследствие другого»: «вестник в "Царе Эдипе" возвращается только однажды». В историческом нарративе событие также описывается один раз: «Бисмарк развязывает войну в 1866 году» (с. 51). Во-вторых, уникальным событие делает тот факт, что в повествовании оно остается проявлением индивидуальной воли действующего существа. Тем не менее этот момент нуждается в дополнительном осмыслении.

По мнению Рикёра, повествовательность истории придает каузальный анализ. Рикёр рассматривает каузальный анализ как альтернативную генерализацию модель объяснения в истории. Мы применяем его, когда анализируем единичные причинно-следственные связи, объяснительная сила которых не зависит от закона. «Каузальный анализ, — пишет Рикёр, — это, по сути дела, отборочный анализ, нацеленный на проверку права того или иного кандидата на роль причины, то есть права занимать место "потому что..." в ответ на вопрос "почему"» (с. 212). Для аргументации нарративной природы исторического знания Рикёр обращается к работе М. Вебера «Критические исследования в области логики наук о культуре» [1]. Интерпретация Рикёром веберовской методологической программы — интересный сюжет с точки зрения исследования нарративных оснований социологического знания.

Построение нарративной конфигурации происходит тогда, когда ученый ставит перед собой цель выявить причину произошедшего события или действия из всего спектра возможных причин и применяет процедуры каузального вменения. Рикёр (опираясь на рассуждения Вебера) описывает логику каузального вменения следующим образом: «При помощи воображения конструируется иной ход событий, затем взвешиваются вероятные последствия реального события, наконец, эти последствия сравниваются с реальным ходом событий. Для того чтобы понять природу реальных причинных связей, мы конструируем связи нереальные. Всякий историк, чтобы объяснить то, что было, задается вопросом о том, что могло бы быть» (с. 213).

Рикёр приводит цитату из работы М. Вебера: «Какое каузальное значение следует придавать индивидуальному решению во всей совокупности бесконечного множества моментов, которые должны быть именно в таком, а не ином соотношении для того, чтобы получился именно этот результат» (с. 213); см.: [1, с. 465]. «Вот эта оговорка, — пишет Рикёр, — "в таком, а не ином" и свидетельствует о появлении на сцене воображения. Начиная с этого момента, рассуждение движется среди нереальных прошедших условных наклонов» (с. 213). Как только исследователь применяет вероятностную логику рассуждения («что могло бы быть»), он начинает строить связи, подобные универсальной связи нарративной конфигурации. В воображаемой конструкции историка события логически «следуют одно за другим», встраиваются в сюжет: «Если бы Бисмарк не принял решения начать войну,

исторические события развивались бы следующим образом...». Каждый раз, согласно Рикёру, когда ученый пытается логически простроить возможный ход действий исторического персонажа или иной ход событий, он оказывается в роли повествователя, сочиняющего нарратив.

Такого рода вымышленные конструкции присутствуют и в социологическом исследовании. Социология, «стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие» (М. Вебер), тоже создает нереальные связи — идеальные типы, являющиеся методологическим инструментом анализа причин или субъективного смыслополагания. Идеально-типическая конструкция представляет собой, как и нарратив, искусственно созданную связь событий или фактов. В данном случае она строится ученым-социологом в соответствии с принципом научной рациональности.

Как отмечает Рикёр, несмотря на то, что историческое и социологическое каузальные исследования имеют разные цели (историческое — поиск antecedента единичного факта, социологическое — поиск причин факта, способного появиться вновь), в обоих случаях теоретизирование приобретает характер *сюжетопостроения*.

«Более того, — пишет он, — нереальные конструкции должны оставаться составной частью исторической и социальной наук, даже если они не выходят за рамки сомнительной правдоподобности, ибо они одни предоставляют единственный способ избежать ретроспективной иллюзии фатальности» (с. 218). Использование нереальных (нарративных) конструкций служит напоминанием о том, что исторические и социальные науки исследуют проявления воли живых людей, чьи действия и зависящие от них события всегда имеют альтернативный исход. В другом случае события и действия становятся подобными событиям неживой природы, подчиняющимся законам и лишёнными «возможности свершиться иначе». В качестве примера использования нарратива в социологии П. Рикёр приводит работу Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». «Автор, — рассуждает Рикёр, — воображает ход истории, где рассмотренный духовный фактор отсутствовал бы и где другие факторы играли бы роль, которую, как предполагается, выполняет протестантская трудовая этика» (с. 222). Ход рассуждения Вебера в данном случае можно сравнить с построением сюжета. Не находя исчерпывающих ответов на свои вопросы в статистических данных, он выстраивает связи исторических фактов, пытаясь уяснить, имеют ли право такие факторы, как рационализация права, организация торговли, технические изобретения, развитие научного метода претендовать на роль причины развития капитализма. И хотя исследование Вебера не сводится к анализу действий отдельных индивидов, в его построениях можно уловить элементы нарративных конфигураций. Согласно Рикёру, именно использование приемов сюжетопостроения отличает настоящего теоретика от исследователя, занимающегося скрупулезным, но не предполагающим теоретического напряжения описанием эмпирических данных.

Рикёр в книге «Время и рассказ» не проясняет специфику социального и индивидуального опыта, особенности социологического, исторического и естественнонаучного знания. Однако его подход может оказаться продуктивным в социологии, поскольку в нем содержится принципиально новая оптика изучения природы человеческого опыта и его соотношения с научной теорией. Разработка Рикёром ряда понятий, касающихся нарратива и его устройства, позволит социальным ученым исследовать обыденное и научное знание, учитывая его дискурсивный и повествовательный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре / Пер. с нем. Ю.Н. Давыдова // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.
3. Мецкеркина Е.Ю. Программа трехдневного курса «Методология биографического исследования» [online]. Дата обращения 25.10.2008. URL: <<http://ecsocman.edu.ru/db/msg/177968.html>>.
4. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002.
5. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. М.: URSS, 2006.
6. Шюц А. Методология социальных наук // Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004.
7. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3.
8. Franzosi R. Narrative analysis — or why (and how) sociologists should be interested in narrative // Annual Review of Sociology. 1998. No. 24.
9. Giddens A. Hermeneutics and social theory // Contemporary Sociology. 1981. Vol. 10. No. 6.
10. Greimas A.J. Ricoeur P. On narrativity // New Literary History. 1989. Vol. 20. No. 3.
11. Morgan G., Smircich L. The case for qualitative research // The Academy of Management Review. 1980. Vol. 5. No. 4.
12. Ricoeur P. The model of the text: Meaningful action considered as a text // New Literary History. 1973. Vol. 5. No. 1.
13. Ricoeur P. Time and narrative. Vol. 1– 3 / Tr. by K. McLaughlin, D. Pellauer. Chicago: The University of Chicago Press, 1984.

А.В. Борисенкова,
младший научный сотрудник
Центра фундаментальных исследований ИГИТИ,
аспирант ГУ-ВШЭ